

УДК 94:06.06(470+430.2)"1965–1975"

Хаберл-Яковлева Г.А.

Национальные экономические интересы СССР и ГДР в научно-техническом сотрудничестве в 1965 – 1975 гг.

Хаберл-Яковлева Галина Александровна, аспирантка кафедры отечественной истории новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета
E-mail: hagal@mail.ru

В статье рассмотрен механизм проведения косыгинских реформ 1965–1975 гг., затронувших научно-техническое сотрудничество СССР и ГДР этого периода. Обсуждаются зародившиеся новые формы и методы этого сотрудничества, принесшие экономическую прибыль обеим странам.

Ключевые слова: СССР, ГДР, национальная экономика, научно-техническое сотрудничество, А.Н. Косыгин, социалистическая уравнивательная система, рыночные мировые стандарты.

До 1965 г. научно-техническому сотрудничеству между СССР и ГДР большого значения не придавалось. Все изменилось после назначения в октябре 1964 г. главой правительства СССР А.Н. Косыгина. Новый председатель Совмина сразу же решил придать указанному процессу второе дыхание, заключив для этого соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве с ГДР. Правда, до конца 1964-го (как планировали) сделать это не удалось¹; соответствующий договор был подписан только 24 сентября 1965 г.² Но сферы сотрудничества он действительно расширил. Фактически в 1965–1966 гг. научно-техническое сотрудничество СССР и ГДР было реанимировано, появились новые его формы и методы.

Особой проблемой при возрождении этого сотрудничества стали национальные экономические интересы обеих стран. Связанный общей коммунистической идеей равного партнерства, равного права на совместную прибыль, идеей уравнивания экономик социалистических стран, СССР не сразу пришел к пониманию необходимости сохранения в научно-техническом сотрудничестве национальных экономических приоритетов; он осознал это позже, чем восточно-германская сторона. Частично это объясняется тем, что именно Советский Союз был организатором и локомотивом всего международного социалистического научно-технического сотрудничества. Но, так или иначе, строя амбициозные планы создания новой системы этого сотрудничества, СССР упустил собственный национальный экономический интерес в нем, не спрогнозировав его заранее. Упоминание о советских экономических интересах впервые появилось только 20 мая 1967 г., в проекте протокола IV заседания Советской части Межправительственной Комиссии по научно-техническому сотрудничеству СССР и ГДР: «Немецкая сторона, получая по обмену результаты советских научно-исследовательских разработок и техническую документацию, налаживает у себя производство изделий, которые Советский Союз сам бы мог поставлять в ГДР, получая валютные средства, крайне необходимые для закупок товаров в ГДР»³.

Как видим, уже на второй год обновленного сотрудничества партнеры столкнулись с конкуренцией между собой. В «Отчете о научно-техническом сотрудничестве с ГДР в 1967 г.»⁴ советские эксперты отметили, что при обмене научно-техническими достижениями советская сторона отказывает партнеру в 25% случаев и в основном из-за режимного характера советских предприятий, а вот восточногерманская – в 40% случаев и по соображениям защиты своего экспорта. В том же 1967-м было принято решение разработать предложения об оплате с 1969-го передаваемой НИИ обеих стран друг другу научно-исследовательской информации.

Эти факты свидетельствуют также и о том, что до 1967 г. включительно в научно-техническом сотрудничестве между СССР и ГДР преобладали импортно-экспортные отношения, а не научно-технические. Когда же импортно-экспортные отношения стали конкурентными, в 1969–1973 гг., более интенсивно стали развиваться научно-технические связи – совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, совместные крупные проекты.

В дальнейшем к проблеме ущемления собственных экономических интересов в социалистическом сотрудничестве советская сторона стала относиться более внимательно. В 1968 г. впервые была высказана озабоченность тем, что знаменитые на весь мир «Карл Цейс Йена», «Лейна Верке» и другие немецкие передовые предприятия с их великолепной производственной и исследовательской базой могут получить односторонние преимущества перед советской стороной, используя результаты советских научно-исследовательских работ. Чтобы защитить национальные интересы, советские ведомства (Государственный комитет по науке и технике (ГКНТ), Госплан, Госстрой и др.) тогда же предложили осу-

¹ ВArch (Федеральный архив Германии). DF 4/4854. Berlin. 8.10.1964..

² РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 39, 2630.

³ Там же. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 1696. Л. 27–36.

⁴ Там же. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 702.

шествовать сотрудничество с немецкими предприятиями на основе заказа, за плату. То есть в 1968 г. выравнивание экономик между СССР и ГДР окончательно завершилось¹. Этот вывод подтверждается принятым в том же году решением V сессии Постоянной подкомиссии по научно-техническому сотрудничеству между СССР и ГДР о том, что «ноу-хау» даже соцстранам отныне продается по мировым (очень дорогим) ценам, с оформлением договора².

В ГДР же о национальных экономических интересах в научно-техническом сотрудничестве не забывали никогда. Прежде всего потому, что Первый секретарь Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) Вальтер Ульбрихт проводил независимую от СССР внутреннюю экономическую политику. Так, еще до подписания нового оглашения о двухстороннем научно-техническом сотрудничестве, в марте 1965 г., ГДР, несмотря на имеющийся договор, отказалась покупать советские тракторы МТС-50³. Потратив 600 часов на сравнительные испытания МТС-50 и румынского УТОС-650, восточногерманские специалисты сделали решительный и аргументированный выбор в пользу румынской машины. Необходимость сохранения рынка ГДР для экспорта советских тракторов вынудила советских тракторостроителей в кратчайшие сроки заменить неудачную модель МТС-50 более совершенной.

Интересно, что примерно через месяц после этой истории в Госплан СССР поступило письмо заместителя председателя ГКНТ Н. Иноземцева о несоответствии восточногерманских машин и оборудования, поставляемых на советский рынок, мировым стандартам⁴, о том, что почти все эти изделия не имеют государственного знака качества «Q» (от «Qualität» – качество) – созданного в ГДР в 1961–1963 гг. для обозначения соответствия изделия мировым стандартам. После этого в СССР началась разработка собственного государственного знака качества для промышленной продукции (а затем и для продукции ширпотреба). Этот знак качества, знаменитый «К», был законодательно введен в конце 1966 г.

В январе 1966 г. ГДР, со ссылкой на специализацию по линии Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), отклонила просьбу советской стороны принять советских специалистов для изучения ими восточногерманского опыта использования современных ЭВМ и оргтехники в управлении производством. ГДР охраняла свои приоритеты, стремясь выиграть время, чтобы продать потом свое «ноу-хау» Советскому Союзу подороже (так и произошло в 1970 г.⁵). Для сохранения своих национальных экономических интересов восточные немцы использовали также метод «молчания»⁶: так, за первую половину 1967 г. немецкой стороной не было сделано ничего для заключения договоров о научно-техническом сотрудничестве в области производства крупных ЭВМ, особо чистых химических продуктов и др.⁷ Только в конце 1967 г. «немецкие товарищи» допустили советских партнеров к своим разработкам по магнитной ленте и телетайпам (в 1965 отказали). В том же году немецкая сторона считала возможным передачу советским организациям технической документации (тогда еще бесплатной) только на ту продукцию, относительно которой ГДР была заинтересована в поставках ее в СССР, – и только при условии заключения долгосрочных контрактов. То есть передачу бесплатной техдокументации восточные немцы хотели превратить в своего рода прессинг с целью заставить СССР покупать их товары. Подобная экономическая стратегия противоречила советским принципам двухстороннего социалистического научно-технического сотрудничества, и в конце 1970 г. В. Ульбрихта, по тому же сценарию, что и Н.С. Хрущева, «уйдут» на пенсию.

Забота восточных немцев о сохранении своих национальных интересов распространялась и на советских командированных – производственников и ученых. В архивных документах того времени неоднократно встречаются жалобы этих командированных на то, что «немецкие товарищи» неохотно допускают их на некоторые свои предприятия, цеха, производственные линии – причем не связанные с военным производством⁸.

В 1969–1970 гг. заключение договоров и соглашений о научно-техническом сотрудничестве, разработка рабочих планов такого сотрудничества стали повседневностью для обеих сторон. При этом в указанных документах учитывались экономические интересы и СССР, и ГДР. Именно тогда партнеры переходят от преимущественно импортно-экспортных отношений к преимущественно научно-техническим – увеличивается количество совместных проектов, примеров сотрудничества по принципу «предприятие – институт» или «предприятие – институт – предприятие». В то время родились многие крупные совместные проекты. Однако восточные немцы продолжали охранять от советского партнера свои компьютерные программы, использовавшиеся для экономического прогнозирования при разработке пятилетних планов (в СССР их не было вплоть до 1971 г.⁹).

В 1970 г. Первым секретарем СЕПГ стал Эрих Хонеккер. Он с «пониманием» относился к проблемам, уже возникшим тогда в советской экономике, и последовательно проводил линию ориентации на советскую экономическую модель. Соответственно, стали редуцироваться и разногласия партнеров, связанные с различием их экономических интересов, – несмотря даже на то, что в СССР стали внедрять у себя восточногерманскую технику без закупки лицензии. В конце января 1972-го, после очередной командировки советских специалистов в ГДР, советская сторона предложила закупить в 1973–1974 гг. у народного предприятия «Шмалькальденер Кранбау» (в 1965 их представитель не смог заключить договор о сотрудничестве ни с кем в СССР) 120 мостовых универсальных кранов-штабелеров. Использование их позволило бы механизировать склады качественного проката 60–70 советских металлобаз; в результате количество металлопродукции, одновременно хранящейся на этих складах, увеличилось бы в среднем в два раза – что равнялось вводу примерно 250 000 м² новой складской площади. Ожидаемый экономический эффект должен был составить приблизительно 8–9 млн руб. в год¹⁰. Главное, однако, заключалось в том, что советская сторона решила спроектировать подобный же мостовой кран, с тем, чтобы изготовить и испытать его уже в 1973 г. Это задание было поручено Центральному конструкторскому бюро автоматики (ЦКБА) Министерства тяжелого машиностроения. Здесь можно провести аналогию с современным международным воровством новых техно-

¹ Там же. Д. 703. Справка о научно-техническом сотрудничестве с ГДР в 1968 г.

² Там же. Д. 702. Л. 110–112.

³ Там же. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 443. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 33.

⁵ Там же. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 228. Л. 26.

⁶ Там же. Д. 227. Л. 18–23.

⁷ Там же. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 1696. Л. 39–41.

⁸ Там же. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 228. Л. 26.

⁹ Там же. Ф. 373. Оп. 1. Д. 45-4. Л. 103–119.

¹⁰ Там же. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 2659. Л. 43–66.

А.Н. Косыгин и министр радиопромышленности П.С. Плеваков рассматривают продукцию комбината «Роботрон» на выставке в Москве в 1973 г. Фото с сайта http://eser-ddr.de/EntwicklungswegE2-Auszuege_3_000.htm

Но это было время, когда А.Н. Косыгин начал активное осуществление своих реформ². Именно с 1969 г. в научно-техническом сотрудничестве между СССР и ГДР широко стали применяться договоры, рабочие планы предприятий и институтов; словом, юридическое оформление научно-технических связей, обеспеченное материальной ответственностью. С конца 1971 г. у обоих партнеров практически исчезли взаимные претензии, связанные с ущемлением национальных экономических интересов. ГДР уже больше не отмахивалась и не ссылалась на СЭВ, а СССР не спешил наверстать упущенное ранее. Экономические интересы обеих сторон учитывались на стадии заключения договоров (которые так и не стали популярными из-за материальных санкций) или утверждались в рабочих планах.

Благодаря реформам А.Н. Косыгина, его глобальным планам по достижению мирового уровня научно-технического прогресса, СССР методом проб и ошибок научился «считать собственные деньги» даже в сотрудничестве с «братьями по социализму».

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 373. Оп. 1. Д. 45-4.
2. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 443, 1696.
3. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 39, 227, 228, 702, 703, 2659.
4. Косыгин А.Н. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1974.
5. Хаберл-Яковлева Г.А. «Справка для Косыгина»: из истории научно-технического сотрудничества между СССР и ГДР (1965–1970 гг.) // Вестник РГГУ. 2013. № 10. С. 147–156.
6. BArch. DF 4/4854. Abkommen über die wissenschaftlich-technische Zusammenarbeit mit weiteren Ländern. Bd. 1. Vorbereitung des Abkommens vom 24. Sept. 1965 bezüglich der wissenschaftlich-technischen Zusammenarbeit. Berlin. 8. Oktober 1964.
7. BArch. DF 4/22782. Realisierung der Regierungsabkommen mit der Sowjetunion. – Information über Probleme. Berlin. 15. März 1971.
8. Babaev S.S., Boborykin N.I., Selivanov P.N. "Scientific-technical cooperation in the field of metrology between the USSR and the German Democratic Republic (GDR)." *Measurement Techniques* 15.3 (1972): 475-478.
9. Brada J.C. "Technological Progress and Factor Utilization in Eastern European Economic Growth." *Economica* 56.224 (1989): 433–448.
10. Giliarevskii R. "Soviet Scientific and Technical Information System: Its Principles, Development, Accomplishments, and Defects." *Proceedings of the 1998 Conference on the History and Heritage of Science Information Systems*. Medford, NJ: Information Today, 1999, pp. 195–205.
11. Hein-Weingarten K. *Das Institut für Kosmosforschung der Akademie der Wissenschaften der DDR: ein Beitrag zur Erforschung der Wissenschaftspolitik der DDR am Beispiel der Weltraumforschung von 1957 bis 1991*. Berlin: Duncker & Humblot, 2000.
12. Huxtable S. "In Search of the Soviet Reader. The Kosygin Reforms, Sociology, and Changing Concepts of Soviet Society, 1964-1970." *Cahiers du monde russe. Russie-Empire russe-Union soviétique et États indépendants* 54.54/3-4 (2013): 623-642.
13. Ireland N.J., Law P.J. "Incentives and Efficiency in the Kosygin Reforms." *Journal of Comparative Economics* 4.1 (1980): 33–39.
14. Kansikas S. "Acknowledging Economic Realities. The CMEA Policy Change Vis-à-vis the European Community, 1970–3." *European Review of History: Revue européenne d'histoire* 21.2 (2014): 311–328.
15. MacGregor D.A. *The Soviet-East German Military Alliance*. New York, Cambridge University Press, 1989.
16. Weickhardt G.G. "The Soviet Military-Industrial Complex and Economic Reform." *Soviet Economy* 2.3 (1986): 193–220.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Хаберл-Яковлева, Г. А. Национальные экономические интересы СССР и ГДР в научно-техническом сотрудничестве в 1965-1975 гг. / Г.А. Хаберл-Яковлева // *Пространство и Время*. — 2015. — № 1—2(19–20). — С. 238—240. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provrr_st1_2-19_20.2015.73.

¹ BArch. DF 4/22782. Berlin. 15.3.1971.

² См.: Косыгин А.Н. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1974; Хаберл-Яковлева Г.А. «Справка для Косыгина»: из истории научно-технического сотрудничества между СССР и ГДР (1965–1970 гг.) // Вестник РГГУ. 2013. № 10. С. 147–156; Huxtable S. "In Search of the Soviet Reader. The Kosygin Reforms, Sociology, and Changing Concepts of Soviet Society, 1964-1970." *Cahiers du monde russe. Russie-Empire russe-Union soviétique et États indépendants* 54.54/3-4 (2013): 623-642; Ireland N.J., Law P.J. "Incentives and Efficiency in the Kosygin Reforms." *Journal of Comparative Economics* 4.1 (1980): 33–39.